

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

НЕСУЩАЯ
РАДОСТЬ

ЭТОТ иогансоновский шедевр — одно из сокровищ Третьяковской галереи. Стройная, изящная женская фигура (черное платье, белая меховая накидка), тонко очерченное лицо, маленький, без улыбки рот; взгляд темных глаз устремлен куда-то поверх нас, он строг, сосредоточен, одухотворен раздумьем. И во всем — скрытый, но осязаемый, напряженный драматизм.

— Этот портрет... К какому времени он относится? — спрашиваю я Зеркалову.

— Ко времени работы над «Пигмалионом», — отвечает она.

— Так это — в жизни или в роли?

— В жизни, но, видите ли...

Да, я вижу. Вижу, что Зеркалова и в жизни уже не могла оторваться от Элизы, которую тогда вынашивала: здесь то же достоинство и та же горестная печаль, которыми потрясала ее Элиза, внезапно прозревшая, понявшая, что для Хиггинса она только интересный эксперимент.

И портрет маслом работы Орешникова — он тоже «в жизни». Но выражение страдания, оскорбленной гордости — откуда? Ну, конечно, оно пришло от Орсины, покинутой возлюбленной герцога («Эмилия Галлотти» Лессинга), с которой актриса тогда была неразлучна.

А вот акварельная головка кисти Фонвизина. В ней — мягкая задумчивость, тихая кротость. Разумеется, это период создания Евгении Гранде.

Зеркалова-человек и Зеркалова-актриса сплетены так, что не разор-

вать. Театру она отдает себя целиком, ее думы о роли бесконечны, ее страдание ролью кончается только тогда, когда изливается в законченный сценический образ. Наверное, из этой неиссякаемой одержимости, из непрерывного творческого процесса, протекающего в глубинах сознания, подсознания, всего существа, и рождается вдохновенная легкость ее игры. Впечатление такое, что слова и жесты, паузы и настроения она импровизирует.

Говорят, Зеркалова — это ювелирное искусство деталей, это расточительная щедрость красок. Говорят, Зеркалова — это кружевная игра. Все так, все верно. Но прежде всего Зеркалова — это интереснейшая артистическая индивидуальность. Такая яркая, такая своеобразная — ни спутать, ни позабыть. Что бы она на сцене ни делала, это интересно уже само по себе, просто потому, что делает это она. Что бы она ни играла, получается совсем особенно. Даже если это играный, переигранный классический образ.

Сколько Глафир («Волки и овцы» Островского) мы видели! Были и откровенные хищники, и грубые лицемерки, и опытные провинциальные соблазнительницы. Эта, зеркаловская, была неотразима. Молодость, жажда жизни били в ней ключом... Скромно опущенные долу глаза, руки сжимают молитвенник... Но вдруг мгновенный и ослепительный, как магниевая вспышка, взгляд, — и завеса притворства прорвана. Все, что эта Глафира проделывала, совершалось ею как бы по интуиции. Это была стихия вечной женственно-

сти — умная, изящная и лукавая, кокетливая и шаловливая. И эти певучие интонации... И эти прекрасные, ласковые, смеющиеся, насмешливые, искрящиеся глаза... И этот зазывный смех... Ей, собственно, не нужна была заранее разработанная тактика, чтоб завладеть Лыняевым: перед такой — не устоять...

А какой лучезарной, солнечной, какой покоряюще обаятельной была ее Елена («Мещане» Горького). Она сыграла ее еще в ЦТСА, сразу по приезде с Украины в Москву. Вот тогда-то строгий Немирович-Данченко и подарил ей свой портрет со знаменательной надписью: «Несущей радость Зеркаловой».

Актриса необычайных нюансов и разнообразных оттенков, она в то же время любит доводить образ до высшей степени эмоциональной, психологической концентрации. В ее Наталье («Васса Железнова» Горького) все было обострено до предела.

Дух отрицания, дух сомнения расколол душу этой восемнадцатилетней девушки, и нет ей покоя, и правду она ищет с мучительством, и ранний напускной цинизм не дает облегчения. В ней билось не простое житейское недовольство, а отчаяние, не злоба, а гнев, не раздражение, а открытый протест. Наталья Зеркаловской с огромной силой ощущала бессельность своего существования, она была человеком трагической судьбы, яростно бунтующим против лжи и фальши.

Бурный протест, восстание человеческого против темных сил, взрыв подавленной было энергии и воли — это бунтарское начало великолепно передается Зеркаловой. И разве не этим так близка нам ее Элиза («Пигмалион» Шоу)?

В конце концов, превращение замарашки в светскую даму может сыграть любая характерная актриса. Зеркаловой удалось куда более сложное: она убеждала не только во внешней, но и во внутренней метаморфозе Элизы, раскрывала великое душевное богатство девушки из народа. Поэтому центром ее исполнения становилась та полная драматизма сцена после бала, когда в Элизе с такой силой обнаруживаются и человеческое достоинство, и женская гордость, когда с такой страстью обличает она эгоизм своего respectable наставника.

Игра Зеркаловой не бывает утомительно-однообразной. Большой мастер, она любит контрасты, знает цену смене ритма, внезапному штриху. Но это у нее не самоцель: ритм меняется в зависимости от эмоционального состояния персонажа, контрасты подготовлены, а неожиданности — психологически оправданы.

«...Отдайте медальон!», — как властно, с какой непрекращаемой требовательностью говорит это своему отцу Евгения Гранде! И как дерзко — целую минуту, глаз в глаз — на него смотрит! Неужели это та самая тихая, робкая девушка, которая еще так недавно вздрагивала от его голоса и, не смея возразить, только ниже опускала голову? Душа, внезапно распрямившаяся... Мы

Д. ЗЕРКАЛОВА в спектакле «Человек бросает якорь».

верим в это потому, что Зеркалова показала причину: безоглядность любви Евгении, любви, способной на жертву, на подвиг.

Любовь... Она всегда была полна для Зеркаловой сокровенного, жизнеутверждающего смысла. Но сейчас она приобретает у актрисы иной, более патетический характер. Воспев некогда чувство женщины, она поэтизирует теперь чувство матери. Может быть, это выплескивается давняя, до сих пор не реализованная мечта сыграть горьковскую мать? Во всяком случае, в том, с какой драматической силой и напряженной страстностью играет она Шаману («Человек бросает якорь» Касумова), есть глубокая гражданская мысль. Самоотверженно отдав сыну жизнь, она теперь относится к нему со строгой, отвергающей дешую снисходительность любовью. Она убеждена: ее сын, молодой человек наших дней, должен быть достоин своего героического времени.

Художница тончайших душевных движений, Зеркалова безошибочно фиксирует даже самые незаметные колебания настроения своих героинь. Но в ее внимательном взгляде нет холодной рассудочности — он теплый, сердечный, в нем трепет жизни. Психологическая точность у нее нигде не переходит в нарочитую усложненность, не превращается в невразумительность. Это искусство чистых линий, четких контуров, звонких красок, ясных перспектив.

...Бывает искусство, которое настолько отлилось, завершилось в самом себе, что возможности его исчерпаны, результаты — заранее известны. Предопределенность придает ему монотонность, снижает его безусловную эстетическую ценность и впечатляемость. Зеркалова — иная. Сложившийся, зрелый художник со своими особенностями, она в то же время всегда нова, всегда свежа. При каждой встрече с ней к радости узнавания присоединяется у нас радость открытия: в уже изведанном обнаруживаем пленительно-неожиданное. И каждый раз новым волнением одаривает нас актриса.

В. ЛЕВИТИНА.